

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

Иногда свинец дороже золота

ЕГО ПОДЛИННАЯ
СТРАСТЬ

Чингиз Акифович Абдуллаев

Его подлинная страсть

Серия «Дронго», книга 109

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6444608

Чингиз Абдуллаев. Его подлинная страсть: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-68334-5

Аннотация

Члены закрытого политического клуба – коронованные особы, главы государств и руководители крупнейших компаний – во избежание очередной волны кризиса решили поднять мировые цены на золото. Эта мера должна ослабить курс ведущих валют, вызвать инфляцию, но помочь экономикам многих стран. Однако, несмотря на все усилия участников секретного соглашения, стоимость золота вдруг стала стремительно падать. Кто-то активно скупал металл с явной целью выбросить его на рынок, когда цена вырастет, и таким образом обогатиться. Без сомнения, этот неизвестный игрок был членом клуба. Чтобы узнать имя предателя, руководство клуба нанимает сыщика с мировым именем – эксперта Дронго...

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава первая | 4 |
| Глава вторая | 16 |
| Глава третья | 31 |
| Глава четвертая | 45 |
| Глава пятая | 58 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 69 |

Чингиз Абдуллаев

Его подлинная страсть

*«Тогда лишь двое тайну соблюдают,
Когда один из них ее не знает».*

Уильям Шекспир
«Ромео и Джульетта»

«Нет ничего труднее, чем хранить какую-либо тайну. Но лучшие всего тайну всегда хранит только тот, кто ее не знает».

Али Эфенди

«Мы находим у разных людей одинаковое количество страстей, впрочем называемых каждый раз по-разному и также по-разному оцениваемых и поэтому разнонаправленных. Добро и Зло отличаются друг от друга различием иерархий страстей и господством целей».

Фридрих Ницше

Глава первая

Оба друга играли в шахматы. Каждый пил свой любимый напиток: Эдгар – кофе, его друг – черный чай. Оба тщательно отбирали сорта кофе и чая, которым отдавали предпочтение. Специально для своего друга Дронго держал дома ко-

феварку, не имея ничего против приятного запаха кофе на кухне. Но сам предпочитал элитные сорта чая, которые привозил из Азии или Европы. В этом году в Европе было как-то особенно неуютно и дождливо. Дронго прилетел в Москву два дня назад, уже зная, что его здесь ищут. Неизвестный звонил несколько раз его помощнику Леониду Кружкову с просьбой о встрече. Ему удалось узнать не только московский номер Дронго и его российский мобильный. Он сумел узнать и номер мобильного телефона Эдгара Вейдеманиса, к которому также обращался с просьбой о встрече.

Все эти попытки закончились тем, что однажды он позвонил на сотовый телефон Дронго в Рим, где эксперт оставался со своей семьей. И уже это вызвало немало вопросов к этому человеку, который сумел узнать номер, не известный даже Эдгару Вейдеманису. Этот телефон Дронго держал при себе для Джил и детей. О существовании номера не знал ни один человек в мире, кроме самой Джил. А она никогда бы не стала о нем никому рассказывать. Именно поэтому Дронго так удивился, когда зазвонил телефон. На дисплее высветился российский номер позвонившего абонента. Дронго долго колебался, но не стал отвечать. Неизвестный позвонил еще раз, а затем набрал номер телефона Вейдеманиса. Он правильно рассчитывал на то, что Эдгар перезвонит своему другу и сообщит номер телефона, с которого звонил неизвестный. Именно поэтому Дронго, бросив все дела, вылетел в Москву, хотя предпочитал летом отдыхать в Европе, так как в Ба-

ку было жарко, а в Москве душно и загазованно. Но неизвестный требовал серьезного отношения к себе, если сумел узнать мобильный итальянский номер. И Дронго вернулся в Москву. Сегодня, играя в шахматы, они ждали звонка этого незнакомца. Дронго пытался выиграть, делая нестандартные ходы и заставляя игравшего гораздо лучше него Эдгара защищаться изо всех сил.

– Похоже, что ты стал играть сильнее, – задумчиво произнес Вейдеманис, – читаешь шахматные учебники? С твоей уникальной памятью ты можешь запомнить массу разных вариантов игры.

– Не читаю. Просто решил немного отойти от привычных стандартов в шахматных композициях, – пояснил Дронго, – я делаю не до конца продуманные ходы, скорее полагаясь на интуицию. А ты, играя лучше меня, полагаешь, что у меня есть продуманный вариант, и тратишь гораздо больше времени на обдумывание ходов. Если бы мы играли без контроля времени, то у меня не было бы ни одного шанса победить, а теперь твой флажок на часах почти висит и скоро он упадет. А значит, у меня появился шанс тебя обыграть.

– Я уже разгадал твою хитрость, но, похоже, поздно, – согласился Эдгар, – придется доигрывать на автомате, а это рискованно. Ты играешь не так уж плохо.

– Должен я хоть иногда тебя обыгрывать, – пробормотал Дронго, делая очередной ход.

– Я думаю, что смогу защититься, – ответил Вейдеманис,

опасливо глядя на часы и передвигая фигуру.

– А я так не думаю. Ты торопишься, потому начал допускать ошибки, – заметил Дронго, – обрати внимание, что я могу забрать твою фигуру.

– Не заберешь, – раздумывая, ответил Эдгар и сделал следующий ход.

– Шах, – объявил Дронго, – спасая позицию, ты ее только ухудшаешь.

– Как сказать... – Вейдеманис снова задумался и, когда собирался сделать следующий ход, обнаружил, что просрочил время. Он улыбнулся. Протянул руку Дронго.

– Твоя тактика сработала. Ты выиграл.

– Не совсем честно, – великодушно заметил Дронго, – если бы не часы, ты почти наверняка свел бы партию к ничьей. А сейчас ты проиграл из-за просроченного времени. Ты слишком серьезно относишься к шахматам и играешь гораздо лучше меня. Одна моя победа на десять твоих. Более чем позорное соотношение. Просто я не так серьезно отношусь к шахматам и придумал способ, как победить тебя.

– Это я знаю. Шахматы не являются твоей страстью, – улыбнулся Эдгар, – это моя страсть. Все-таки я в свое время серьезно занимался шахматами и даже получил первый разряд.

– Согласен, – усмехнулся Дронго, – они для меня скорее развлечение или такая интеллектуальная забава.

– Тогда что относится к числу твоих страстей? – неужи-

данно спросил Вейдеманис. – Я столько лет тебя знаю... – Он задумался. – Наверное, не шахматы. Может, твои расследования? Не знаю. Ведь ты не очень любишь свою работу и тем более не любишь «героев», которых ты разоблачаешь. Ты их жалеешь. Понимаешь и жалеешь.

– Иногда они бывают мне омерзительны, – признался Дронго, – хотя большей частью я стараюсь не быть судьей, а объективно относиться ко всем, с кем я сталкиваюсь во время своих расследований.

– Тогда женщины, – подмигнул Вейдеманис, – сколько их у тебя было? Конечно, ореол сыщика на них действует. Но и ты сам до сих пор умудряешься оставаться интересным для них.

– Что значит «до сих пор»? – притворно возмутился Дронго. – Между прочим, во возрасту ты даже старше меня.

– Только не говори, что женщин ты тоже понимаешь. Хотя, наверное, понимаешь, если иметь в виду твои многочисленные встречи.

– Хорошо, что тебя не слышит Джил, – покачал головой Дронго. – Ты действительно считаешь, что женщины – моя слабая сторона? Или предмет моей страсти?

– Нет. Ты для этого слишком умен и слишком хладнокровен. Увлекающиеся люди и настоящие бабники – люди не самые умные. Они подвержены страстям своих эмоций, а не импульсам разума, – согласился Эдгар. – На них давит сильнее их мужское либидо, чем трезвый рассудок.

– Тогда в чем моя подлинная страсть? – неожиданно даже для самого себя спросил Дронго. – Надеюсь, ты не думаешь, что деньги?

– Это вообще глупо. Ты столько раз отказывался от гоноров. И еще ты слишком независимый и богатый человек, чтобы всерьез быть подверженным таким страстям.

– Ты полагаешь, что все богатые люди бессребреники? – удивился Дронго. – По-моему, как раз нет. Богатство многих из них зависит от собственной бережливости, скупости, верного расчета. Чаще от искусно рассчитанного обмана, спекуляции, продуманного воровства, хищения государственного или частного имущества. Из ничего не бывает ничего. Чтобы разбогатеть, нужно найти способ отъема этих денег у других людей или государства. А значит, цель любого богатого человека – обладать как можно большим количеством этих бумажек, независимо от цвета и изображенных на них физиономий. Лишь бы их принимали другие люди.

– Вот ты один из самых известных в мире экспертов по расследованиям тяжких преступлений. Возможно, самый известный. Удовлетворенное тщеславие тоже смертный грех? Или нет?

– Не думаю, что я настолько тщеславен, – возразил Дронго, – чтобы слава мешала мне работать. Поэтому я до сих пор не люблю, когда меня называют по имени, а предпочитаю эту странную кличку Дронго.

– Которая известна уже во всем мире, – добавил Эдгар.

– Настоящему сыщику такая слава только мешает проводить свои расследования, – добавил Дронго.

– Уже интересно, – подвел итог разговора Вейдеманис, – такой психологический портрет нашего героя. Значит, деньги, слава и женщины тебя не очень волнуют. Просто какой-то отрешенный от жизни человек и мизантроп!

– Нет. Я люблю женщин, не возражаю против удачных расследований и своей известности, которая часто даже помогает. И наконец, деньги являются талонами на жизнь, без которых невозможно существовать. Но не талонами на счастье. И конечно, я не гожусь на роль отрешенного от жизни человека и мизантропа.

– Тогда в чем твоя подлинная страсть? – поинтересовался Вейдеманис. – Понятно, что не в игре в шахматы. Возможно, чревоугодие является одним из твоих смертных грехов. Ведь ты, по-моему, побывал во всех лучших ресторанах нашей планеты. Во всяком случае, в большинстве из них.

– Если у меня не такая идеальная стройная фигура, как у тебя и я начинаю полнеть, то это не потому, что люблю поесть, – ворчливо заметил Дронго, – я немного выше тебя ростом и у меня более тяжелые кости. Хотя грех чревоугодия за мной числится. Но все равно это не моя подлинная страсть, так как ты прекрасно знаешь, что я вполне могу обходиться вообще без пищи или довольствоваться хлебом и водой.

– В азартные игры ты тоже не играешь, если не считать твоего увлечения «французским покером» на Маврикии, –

рассмеялся Эдгар, – просто идеальный человек без недостатков.

– Как раз наоборот. Недостатков полно. Безусловное тщеславие, когда я получаю удовольствие не только от законченного расследования, но и от своей известности. Конечно, грех чревоугодия за мной числится. Еще больший грех прелюбодеяния. Я весь состою из недостатков, – признался Дронго.

– А твоя подлинная страсть? – настаивал Вейдеманис.

Дронго задумался. Он решил, что просто обязан ответить своему другу предельно честно и не обманывая самого себя.

– Помнишь, я вспоминал, что сказал английский король Генрих Восьмой. Он сказал: «Я в ответе за всю красоту этого мира». Может, я тоже воспринимаю свою работу как некую миссию. Если хочешь, я пытаюсь доказать всем, и прежде всего самому себе, что Зло, каким бы многоликим и запутанным оно ни было, может быть побеждено. Я пытаюсь убедить в этом себя и людей, окружающих меня. Мне вообще кажется, что литература и искусство появляются там, где осознают понятия Зла и Добра, Света и Тьмы. И литература, как и искусство, помогает человеку выстоять и поверить в возможность победы. Это, между прочим, из речи Фолкнера во время вручения ему Нобелевской премии. Ничего нового я не придумал. Возможно, мои расследования и попытка выступить на стороне Бога и являются моей подлинной страстью. Ведь иначе я не стал бы этим заниматься в течение стольких

лет. Как ты думаешь, я ответил не очень патетически?

– Понятно, – фыркнул Вейдеманис, – ты чувствуешь себя «левой рукой Бога», а сам являешься убежденным агностиком. Снова не совпадает.

– Я чувствую, что помогаю людям, – пояснил Дронго, – приношу им конкретную пользу, помогаю верить в некие нравственные идеалы. Значит, не зря занимаюсь этим делом.

– Высокопарно, но верно по существу, – согласился Эдгар, – в общем, я понял. Ты рассчитываешь на бронзовый памятник.

Дронго усмехнулся и не успел ответить, когда зазвонил городской телефон. Он подошел к нему, поднял трубку.

– Слушаю вас, – сказал Дронго.

– Добрый вечер, господин эксперт! – услышал он голос незнакомца. – Извините, что так настойчиво пытался вас найти.

Неизвестный даже не спросил, кто именно с ним разговаривает. Он точно знал, что ему ответил именно тот человек, которого он искал. Это тоже был показательный факт.

– Сначала представьтесь, – потребовал Дронго.

– Разумеется. Михаил Александрович Зорин, – сообщил позвонивший. – Я хотел бы встретиться с вами как можно быстрее.

– Завтра вас устроит?

– Нельзя ли сегодня? Я нахожусь недалеко от вашего дома.

Дронго не стал спрашивать, откуда неизвестный знает, где

именно живет эксперт. Для человека, который сумел отыскать не только его мобильный телефон, но даже дозвониться в Италию, узнать адрес дома было не столь сложной задачей.

– У вас такое важное дело? – уточнил Дронго.

– Более чем, – признался позвонивший, – у меня есть к вам конкретное предложение и я почти убежден, что вы его примете.

– Вы всегда так самоуверенны? – нахмурился эксперт.

– Я знаю, к кому именно мы обратились, – пояснил Зорин. – Вы один из лучших специалистов в этой области.

– Не нужно лести, – попросил Дронго, – это не лучший способ убедить меня вас принять.

– Я всего лишь сказал истину.

– Когда вы хотите ко мне приехать?

– Через десять минут, если вы предупредите внизу, чтобы меня пропустили. И вы наверняка будете не один, а вместе со своим другом Эдгаром Вейдеманисом, хотя я бы хотел поговорить с вами наедине.

– Это исключено, – ответил Дронго, метнув взгляд на своего друга, – я не принимаю гостей без моего напарника. Если хотите, в целях моей безопасности.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился Зорин, – но надеюсь, что больше никого не будет.

– Это я могу вам гарантировать.

– В таком случае через десять минут я поднимусь к вам. Не забудьте предупредить вашего охранника в доме, чтобы

меня пропустили к вам, – попросил непрощеный гость.

– Не беспокойтесь. – Дронго положил трубку и, позвонив вниз, сообщил, что к нему сейчас приедет гость. Снова положил трубку и взглянул на Вейдеманиса.

– Он знает, что я нахожусь у тебя? – понял Эдгар.

– Да, – кивнул Дронго.

– Серьезный человек, – удивленно заметил Вейдеманис, – сумел узнать все наши телефоны, догадался о моем присутствии здесь. Или даже не догадался. Может, за нами следят?

– Он сказал: «Я знаю, к кому мы обратились», – вспомнил Дронго, – значит, «мы» в данном случае означает, что он представитель какой-то организации.

– О которой мы ничего не знаем, – вздохнул Эдгар. – А если это профессиональный киллер, который поднимается к тебе отомстить за кого-то из твоих бывших подопечных?

– Зная, что ты находишься у меня в квартире? – покачав головой, скептически заметил Дронго. – Каким бы профессионалом он ни был, он должен понимать, что с нами двоими ему не справиться. Если это было бы так легко, мы бы с тобой не сумели провести столько расследований.

– Расследования проводишь ты, а я тебе только помогаю, – возразил Вейдеманис. – Лучше скажи, где твой пистолет?

– В кабинете, как всегда, – вспомнил Дронго. – И не забывай, что мы напарники.

Эдгар поднялся и прошел в его кабинет. Открыл стол, вытащил пистолет и, проверив его, положил в карман. Вернул-

ся в гостиную.

– Я почти уверен, что оружие нам не понадобится, – заметил Дронго, – поэтому не стоит так беспокоиться.

– Я могу узнать, на чем зиждится твоя уверенность? – уточнил Вейдеманис.

– Он слишком осведомленный человек. Если организация, которую представляет Зорин, смогла выяснить наши мобильные телефоны, зарегистрированные на другие фамилии, то моя ликвидация представлялась бы им делом легким. Не говоря уже о том, что убийцы обычно так настойчиво не звонят и не требуют встречи.

– Не убедил, – возразил Эдгар, – нынешние киллеры стали гораздо умнее. И с твоим оружием мне будет спокойнее.

– Как хочешь, – согласился Дронго, – сейчас он поднимется к нам.

– Похоже, я не прав, – задумался Вейдеманис, – твои расследования и есть твоя настоящая страсть. Даже когда ты не очень любишь героев своих расследований.

В дверь позвонили. Дронго пошел открывать. Вейдеманис отправился следом, приготовив оружие. Ему самому был интересен этот неизвестный загадочный визитер.

Глава вторая

В квартиру вошел Зорин. Ему было под шестьдесят. Среднего роста, с копной седеющих каштановых волос, внимательные, наблюдательные, умные глаза, несколько оплывшая фигура, хороший светло-серый костюм итальянского производства. Голубая рубашка и элегантный галстук в горошек, в нагрудном кармане платочек. Зорин несколько церемонно поклонился.

– Добрый вечер, господин эксперт.

– Здравствуйте. – Дронго не стал протягивать руку незнакомцу и также кивнул ему в ответ.

– Это господин Вейдеманис, – представил он своего друга.

– Очень приятно, – наклонил голову Зорин.

– Пройдемте в гостиную, – предложил Дронго.

Они прошли в комнату. Гость сел в предложенное кресло. Напротив, в другом кресле, устроился хозяин квартиры. Вейдеманис, внимательно наблюдавший за гостем, занял место на диване.

– Я вас слушаю, – сказал Дронго, – вы хотели меня видеть.

– И не только видеть, но и сделать вам конкретное предложение, – сообщил гость.

– Это я уже понял. Я могу узнать, кого именно вы представляете?

– Нет, – ответил Зорин, – пока не можете. Достаточно то-

го, что я представляю самого себя и пришел к вам как юрист. Вот моя визитная карточка. Я являюсь членом коллегии адвокатов и практикующим юристом.

Он протянул карточку. На ней были указаны его имя, фамилия, отчество, номера телефонов и звания: доктор юридических наук, профессор и член коллегии адвокатов.

– Вы еще и преподаете? – уточнил Дронго.

– Да, на юридическом факультете Московского государственного университета. Преподаю гражданское право.

– Очень приятно. Значит, мы почти коллеги. Я тоже юрист по образованию.

– Я знаю, – улыбнулся Зорин, – о вас известно довольно много.

– Поэтому вы пришли ко мне?

– И поэтому тоже.

– Тогда я слушаю ваше предложение.

– Наверное, вы уже догадались. Речь идет об обычном расследовании. Ничего криминального, ничего особенно запутанного. Нам понадобилась ваша помощь в расследовании одного частного дела. Оплату мы гарантируем. Причем, кроме гонорара, мы готовы гарантировать вам оплату командировочных, суточных и проездных.

– Раз вы говорите о командировочных, значит, расследование будет не в Москве.

– Вы правы. В Европе. Вам придется туда срочно вылететь.

– Очень конкретное место, – иронично заметил Дронго, – а точнее нельзя?

– Во Франции, – пояснил гость.

– Вы сказали «ничего криминального». Как это понимать?

Тогда в чем именно будет состоять моя помощь?

– На частной вилле пропали некоторые вещи, которые необходимо найти. Даже не сами вещи, а человека, который мог это сделать.

– Кража со взломом?

– Нет. Мы подозреваем кого-то из прислуги. Там есть несколько человек, один из которых, возможно, замешан в этой краже. Вы должны будете постараться найти возможного вора. Разумеется, в случае неудачи мы не будем предъявлять вам никаких претензий.

– И все?

– В общих чертах, – ответил Зорин, – детали вам расскажут на месте, когда вы прилетите во Францию.

– И поэтому вы меня так настойчиво искали? – недоверчиво спросил Дронго.

– Да. Там пропали документы, которые нам нужны.

– Вы снова говорите от лица неизвестной мне организации или группы ваших друзей?

– Предположим, что я говорю от лица своей адвокатской конторы. Вас устраивает такой вариант?

– Не совсем, – ответил Дронго. – Скажите, вы носите линзы?

– Что? – удивился Зорин. – При чем тут мои линзы?

– Я обратил внимание, что вы часто моргаете. И на неестественный блеск ваших глаз.

– Да, действительно. Я ношу линзы, хотя никто раньше мне не говорил, что замечает их. Это имеет отношение к нашему разговору?

– Отчасти. Это говорит о вашем характере. И вы были абсолютно уверены, что я соглашусь на ваше предложение. Очевидно, вы знаете меня лучше, чем я сам.

– Мы знаем, что вы известный эксперт, который занимается подобными делами, – сказал Зорин. При этом он моргнул и непроизвольно поправил узел галстука.

– Вы убеждены, что это именно такое дело, которым я должен заниматься? – спросил Дронго. – Ведь моя специфика несколько иная. Я не ищу пропавшие вещи, которые, возможно, забрала горничная или кухарка. Я специализируюсь на несколько иных темах.

На этот раз Зорин улыбнулся. Теперь он чувствовал себя хозяином положения.

– Я уже вам говорил, – сказал он, – мы знаем, чем именно вы занимаетесь. И каковы ваши реальные достижения. Именно поэтому мы и приняли решение обратиться к вам.

– Слишком много лести, – недовольно произнес Дронго, – так обычно говорят, когда очень нуждаются в помощи конкретного человека.

Зорин на секунду задумался.

– Да, – сказал он чуть более громче, чем обычно, – не стану скрывать. Нам нужен именно такой специалист. Знающий, проницательный и умеющий хранить секреты. На вашем счету много раскрытых преступлений и загадок, которые вы разгадали. А также тайны, о которых никто не знает.

– Опять патока, – поморщился Дронго, – скажите более конкретно. Когда нужно вылетать во Францию?

– Завтра утром. Билеты мы вам купим. Деньги можете получить немедленно, в том числе на проезд и аванс. В Париже вам будем заказан отель «Мерис». Вы, наверное, знаете, что «Ритц» сейчас на ремонте. Но «Мерис» находится почти рядом.

– Знаю, – ответил Дронго, – «Ритц» на Вандомской площади, а «Мерис» на улице Кастильон. Это совсем рядом.

– Вы хорошо знаете Париж, – прокомментировал безо всякого выражения Зорин.

– Неплохо, – согласился эксперт, – и кроме этой очередной любезной фразы, вы ничего не хотите мне сообщить?

– Остальное узнаете на месте. В аэропорту вас встретят и отвезут на виллу, – пояснил Зорин.

– Кому принадлежит вилла?

– Нашему другу, – снова моргнул гость и быстро добавил: – Повторяю, что все подробности вы можете узнать на месте.

– И конечно, мне нельзя будет брать с собой никого из своих помощников, – неожиданно произнес Дронго, – даже за свой счет?

Зорин нахмурился.

– Почему вы так решили?

– Необычная секретность вашего предложения и сам разговор, когда вы сообщаете минимум сведений и не пытаетесь даже объяснить подробности. Согласитесь, что это выглядит несколько странно. Особенно учитывая вашу настойчивость, которую вы проявили в последние дни. Вам даже удалось узнать номер моего мобильного телефона в Италии, который зарегистрирован на другое имя. И узнать в Москве номер телефона Эдгара Вейдеманиса. И такая спешка с вашим визитом, когда вы совсем случайно оказались рядом с моим домом. И вы не хотите рассказывать мне никаких подробностей, хотя сами смогли узнать обо мне очень много. Даже для обычной спецслужбы это было бы сложно.

– Вы отказываетесь? – мрачно спросил Зорин.

– Нет. Но вы не ответили на мой вопрос. Мы можем полететь туда с Вейдеманисом? Или, как говорилось в одном известном романе, «на мальчика у нас кредита не отпущено. Можете взять его за свой счет в каюту».

Зорин улыбнулся. Поправил галстук.

– Ценю ваше чувство юмора. Я тоже люблю этот роман. «Двенадцать стульев» всегда были моей настольной книгой. Но «мальчика» брать с собой действительно нельзя. Даже за ваш счет. Мы платим такие деньги за секретность вашего расследования. Документы слишком важны, чтобы о них кто-то узнал. Даже ваш друг и напарник. Полагаю, что вы

должны правильно понимать наши мотивы.

– Предположим, – кивнул Дронго, – и вы не можете даже сообщить, кому именно принадлежит эта вилла?

– Зачем? Вы считаете, что подобное знание что-то изменит? Я могу назвать вам любую французскую фамилию. Или русскую. Какая разница, кто именно владелец виллы? Я достаточно ценю и уважаю вас как профессионала, чтобы вас обманывать. Главное – найти нужные документы, которые там пропали.

– Мне кажется, вы несколько путаетесь, – заметил Дронго, – нужно найти вора или документы? Или вообще не нужно искать ни того, ни другого? Может, там понадобится искать нечто другое?

– Понимаю, о чем вы, – усмехнулся Зорин, – но в данном случае найти вора означает найти пропавшие документы. Никакой путаницы, мы рассчитываем на ваши опыт и знания.

– И когда я должен дать ответ?

– Прямо сейчас.

Дронго молчал, избегая взгляда Вейдеманиса, который ждал его решения.

– Ваш гонорар будет составлять сто тысяч долларов, – сообщил Зорин, чтобы эксперт отбросил свои сомнения.

– Вы считаете, что это главный аргумент? – усмехнулся эксперт.

– Нет. С вами – нет. Вы достаточно обеспеченный чело-

век, чтобы отказаться от любого гонорара. Но это еще и интересная работа.

Дронго взглянул на Эдгара. Тот улыбался.

– Билет лежит у вас в кармане. – Эксперт не спрашивал, он утверждал.

Зорин достал из внутреннего кармана пиджака билет.

– Распечатка с электронного билета. На утренний рейс в Париж, – пояснил он, – и еще банковская карточка. На ней сто тысяч долларов. Это аванс и ваши командировочные. Можете тратить сколько хотите. Карточка на предъявителя. Код для снятия наличных денег пятнадцать, пятнадцать. Легко запоминается. Завтра в аэропорту имени Шарля де Голля в Париже вас будет встречать человек, который знает вас в лицо. Он отвезет вас на виллу.

Дронго взглянул на лист бумаги, на котором был распечатан его билет. Рядом лежала кредитная карточка. Поразительно, что билет был выписан на его паспорт. Этому адвокату удалось неведомым образом узнать даже номер его документа. Дронго усмехнулся.

– Вы опасный человек, господин Зорин. Масса загадок, которые я должен еще попытаться разгадать. И никаких подсказок, кроме денег и билета.

– Вы согласны? – вместо ответа спросил гость.

– Да, я полечу. В конце концов, это даже интересно.

– Спасибо. – Зорин сразу поднялся. Прошел к дверям. Обернулся. – Хочу предупредить вас. «Мальчика в каюте»

быть не должно ни при каких обстоятельствах. Мы легко проверим, кто именно с вами полетит. Вы меня понимаете? Никаких исключений.

– Что и требовалось доказать, – прокомментировал Дронго. – До свидания, господин Зорин. Странно, что вы не хотите подписывать никаких документов и рискуете такими суммами, отдавая их малознакомому человеку.

– Не прибедняйтесь, – посоветовал Зорин, открывая дверь, – вы известный человек. Иначе я бы сюда вообще не пришел. До свидания.

Он ушел, и они снова не подали друг другу руки. Дронго закрыл дверь, вернулся вместе с Эдгаром в гостиную, посмотрел на билет и кредитную карточку на предъявителя.

– Что ты об этом думаешь? – спросил он у Вейдеманиса.

– Если ловушка, то слишком дорогая, – заметил Вейдеманис, – и сумма очень большая.

– На билете указан номер моего паспорта, по которому я живу в Италии, – показал Дронго. – Такая осведомленность может быть только у очень хорошей спецслужбы. Если работает ФСБ или ЦРУ. Возможно, английская или израильская разведки. Но самое поразительное не в том, что они узнали номер моего паспорта. Они ведь могли распечатать билет без указания моих документов. Достаточно номера билета и моей фамилии, а данные моего паспорта могли быть в самом билете. Но они не удалили этих данных, прекрасно сознавая, что я обязательно обращу на это внимание. Значит, они по-

нимают, что я догадаюсь о связях этого адвоката, который так легко швыряет кредитными картами со сотысячными кредитами. И не опасаются этого.

– Кажется, такого расследования и такого загадочного дела еще не было в твоей карьере, – согласился Вейдеманис. – Откуда взялся этот адвокат?

– Сейчас посмотрим по Интернету, – предложил Дронго, усаживаясь за компьютер и начиная поиск на фамилию Зорин. Там были известный писатель и известный журналист. Третьей шла фамилия с инициалами их гостя. Дронго с удовлетворенным видом кивнул.

– Вот, пожалуйста. Михаил Александрович Зорин, профессор и доктор наук. Ему шестьдесят четыре. Он защитил докторскую еще в советское время. Уже около сорока лет работает адвокатом. Преподает в МГУ и еще в Московском государственном университете международных отношений. Там он проработал около четырнадцати лет. Очень солидный стаж. Женат. Имеет дочь, которая проживает с мужем и двумя детьми в Лос-Анджелесе. Член нескольких консультативных советов, в том числе и внешнеполитических ассоциаций. Какая колоритная фигура! Свободно владеет пятью языками. Для обычного адвоката очень солидная биография. Но здесь есть одна особенность. Не указан ни один его судебный процесс, в котором он бы принимал участие. Известный адвокат, доктор наук – и ни одного упоминания о судебных процессах. Или так тоже бывает?

– Не знаю, – Вейдеманис покачал головой, – не нравится мне ни этот гость, ни его дело.

Вместо ответа Дронго достал телефон и стал набирать чей-то номер.

– Кому звонишь? – спросил Эдгар.

– Кому-нибудь из известных адвокатов, – пояснил Дронго. – Резнику или Падве. У нас много знакомых. Или позвоню Плавнику, он лучше других знает всех известных адвокатов в Москве.

Услышав знакомый голос, он поздоровался:

– Здравствуйте, Иосиф Борисович.

– Добрый вечер, господин эксперт, – ответил Плавник, – рад слышать ваш голос. Есть какое-то конкретное дело или позвонили только потому, что решили вспомнить старика?

– Каюсь, – рассмеялся Дронго, – звоню, как всегда, по конкретному делу.

– Нужна моя помощь? – понял адвокат.

– Да. Если можно. – Он перевел телефон на громкую связь, чтобы их мог услышать Эдгар.

– Можете излагать, – весело проговорил Плавник.

– Вы знаете адвоката Михаила Александровича Зорина?

Наступило молчание.

– Алло, Иосиф Борисович, вы все еще на связи? Вы меня слышите?

– Я вас слышу, – раздался в ответ глухой голос Плавника. – Откуда вы его знаете?

– Он только что был у меня дома.

– Зачем?

– Просит помочь в расследовании одного дела.

– И вы согласились?

– Пока нет, – ответил Дронго, покосившись на стоящего рядом Эдгара, который одобрительно кивнул.

– И не соглашайтесь, – решительно произнес Плавник, – я бы на вашем месте сразу отказался. Если, конечно, вам важен мой совет.

– Я могу узнать почему?

– Конечно, можете. Он очень странный человек. Я бы даже сказал, загадочный. Большой офис в центре Москвы – и ни одного дела, которое бы он вел как адвокат. Ни одного известного дела. Все говорят, что он работает с какими-то зарубежными клиентами, но никто не знает подробностей. Очень богат, невероятные связи, весьма коммуникабельный тип. И полная загадка для адвокатского сообщества. Вы знаете, что сейчас все юристы пошли в большую политику. Астахов стал заниматься защитой детей, Барщевский представляет интересы президента в высших судебных инстанциях. В общем, все находят себе применение. А наш знакомый Зорин является членом нескольких консультативных советов, о деятельности которых никто ничего не знает. Хотя сам Зорин фигура более чем знаковая – преподает в МГУ и МГУМО, читает курс гражданского права. Но я бы не советовал с ним связываться. Его имя окружено ка-

кой-то нехорошей тайной. Я не думаю, что он осведомитель наших доблестных органов, но почти наверняка имеет связь с какой-нибудь интересной организацией в других странах. И поразительнее всего, что на это закрывают глаза наши до-морощенные чекисты.

– Вы его не любите, – понял Дронго.

– Не люблю, – признался Иосиф Борисович, – если есть тайна, значит, ему есть что скрывать. А это всегда вызывает некоторое отторжение. Возможно, он действительно связан с какими-то организациями, которые действуют в других странах. Но подробностей никто не знает. Хотя я с ним несколько раз встречался, он производит впечатление умного, энергичного и знающего человека, а такие бывают гораздо опаснее.

– Понятно. Спасибо за информацию, – поблагодарил адвоката Дронго.

– И никогда не упоминайте, что вы разговаривали со мной о нем, – попросил Плавник.

– Это я знаю, – сказал Дронго, – однажды я обратился к моему знакомому руководителю Союза российских нотариусов и в беседе с другим человеком сослался на него. Он перезвонил мне в Париж и объяснил, как неправильно я поступил. С тех пор я стараюсь никогда не упоминать ничьих имен, даже если выяснится, что он ваш самый лучший друг. Такой вот урок на всю жизнь.

– Так лучше, – согласился Иосиф Борисович, – в Москве

свои строгие правила. Здесь каждый обрабатывает свою делянку. Даже если она очень маленькая. Лезть в чужую – себе дороже.

– Спасибо, – поблагодарил собеседника Дронго, – вы мне очень помогли.

Он убрал телефон, взглянул на Вейдеманиса:

– Все слышал?

– Тебе нужно отказаться. Ты уже сам понял, что это непонятное дело, связанное с какими-то тайнами. Хотя, зная твой характер, я боюсь, что Иосиф Борисович оказал «медвежью услугу». Теперь ты никогда не откажешься от расследования этого дела, именно потому, что оно связано с какими-то секретами.

– У него было слишком много информации, – задумался Дронго. – Он знал номер моего зарубежного паспорта, наши мобильные телефоны, мой городской и даже не скрывал, что осведомлен о твоём присутствии в моей квартире.

– Полетишь в Париж? – понял Вейдеманис.

– Придется.

– Тогда я полечу с тобой.

– Нельзя. Они наверняка проверят список пассажиров моего самолета, и твоя запоминающаяся фамилия не должна в нем оказаться. Это было одним из условий Зорина.

– Тогда полетишь один?

– Нежелательно. Поэтому нужно срочно найти Леонида Кружкова. Пусть едет в аэропорт и берет билет на утренний

рейс во Франкфурт. Проверить все самолеты, вылетающие из Москвы, они просто не смогут. А оттуда он может прилететь в Париж и встретить меня завтра в аэропорту, понаблюдав за теми, кто будет меня встречать. Заодно узнает номер их машины и, возможно, сумеет установить, куда именно я поеду.

– Правильно, – согласился Вейдеманис, доставая телефон, – сейчас позвоню Леониду. Пусть прямо сейчас берет билет по Интернету и едет в аэропорт. Кажется, утренний рейс в шесть часов. Так будет правильно. Небольшая страховка. В этом мире слишком много влиятельных людей, которые тебя не очень любят.

– Надеюсь, что любящих меня все-таки больше, – заметил Дронго.

– Неизмеримо больше, – улыбнулся Эдгар, – но они не смогут быть в парижском аэропорту, когда ты завтра там приземлишься.

Глава третья

Самолет вылетел точно по расписанию. Дронго сидел в салоне бизнес-класса, недовольно морщась. Он попросил девушку при оформлении дать ему место в проходе, но похоже, что она все перепутала и умудрилась оформить ему место у окна. Непонятно, как она могла перепутать, ведь у него не было с собой багажа, кроме чемоданчика. И обращался он к ней на русском языке, хотя слово «коридор» было понятно и на других языках.

Он не любил смотреть вниз, когда лайнер отрывался от земли. Закрывать иллюминатор при взлете не разрешалось ни в одной компании мира, и поэтому он просто отвернулся, чтобы не видеть, как они взлетают над городом. Когда самолет уже набрал высоту, эксперт обратился к пузатому господину лет пятидесяти, уже задремавшему в соседнем кресле. Незнакомец был похож на иностранца.

– Вы говорите по-английски? – спросил Дронго.

– Я из Канады, – сообщил гость, – конечно, говорю.

– Мы не могли бы поменяться местами? – предложил эксперт. – Я вижу, что вы спите, а я не люблю сидеть у окна.

– С удовольствием, – даже обрадовался канадец, – я вообще собирался спать, чтобы меня не беспокоили, и просил оформить мне место у окна. Но они почему-то все перепутали.

– Как и в случае со мной, – улыбнулся Дронго.

Они поднялись и поменялись местами. Дальше полет проходил спокойно. Он пообедал, читая газеты. Довольно просторный салон «Аэробуса 310», который летал из Москвы в Париж, был заполнен. На этом рейсе билеты бизнес-класса обычно раскупались так же быстро, как и билеты эконом-класса, настолько популярным был рейс в столицу Франции.

Дважды поднимаясь и проходя по салону, Дронго пытался вычислить, кто именно из находившихся здесь пассажиров сопровождает его во время этого рейса. Он понимал, что если неизвестная организация Зорина купила ему билет на рейс в Париж и требовала абсолютной секретности, то почти наверняка вместе с ним должен полететь еще кто-то из сопровождающих, чтобы убедиться в том, что эксперт будет один.

Но вычислить возможного наблюдателя оказалось сложнее, чем он думал. Дронго прошел в первый раз и ничего не обнаружил. Каждый из сидевших пассажиров был занят своим делом. Эксперт был достаточно опытным человеком, чтобы искать среди пассажиров мрачного неразговорчивого громилу или маловыразительного топтуна, которые могли его сопровождать. Он прекрасно понимал, что наблюдающий за ним человек может оказаться милой старушкой или мирно спящим индусом с головным убором сикха на голове, который проснулся при его приближении. Если неизвестная организация смогла узнать номер его итальянского телефо-

на, то она вполне могла организовать наблюдение за ним на этом рейсе.

Но внешних признаков наблюдения ему не удалось обнаружить, несмотря на его опыт и наблюдательность. После обеда он поднялся и прошел второй раз. Салон был большой, по два кресла в три ряда, и некоторые пассажиры даже следили за его перемещениями. Но вычислить конкретного наблюдателя было сложно. Он неожиданно подумал, что, возможно, теряет некоторые профессиональные навыки, ибо не сумел вычислить возможного наблюдателя. Уже позже, когда он узнает правду, она поразит его своей тщательной продуманностью и неожиданным решением, к которому он оказался не совсем готовым.

Проходя второй раз по салону, он обратил внимание на семейную пару пожилых афроамериканцев, расположившуюся в конце салона, в среднем ряду. При этом оба не дремали, а читали газеты и смотрели фильм, который демонстрировался на их индивидуальных экранах. Обоим было немногим больше шестидесяти. «Более идеальной пары для наблюдения сложно было найти, – подумал Дронго. – Психологически все точно рассчитано. В то время как все спят, они продолжают смотреть фильм и читать газеты. Конечно, это не говорит против этой пары, но проверить просто необходимо». Он улыбнулся женщине, которая взглянула на него из-под очков, и прошел дальше, в салон экономического класса, задержавшись у туалета, находившегося между салонами.

Красный сигнал указывал, что кабина в данный момент была занята.

– Вы из бизнес-класса? – спросила проходившая мимо стюардесса. – Пройдите туда. Туалеты этого салона находятся в начале самолета.

– Я должен подождать здесь своего знакомого, – улыбнулся Дронго, – он как раз в салоне экономкласса.

– Здесь ждать нельзя, – предупредила стюардесса. Ей было лет сорок. Рыхлое, располневшее лицо, небольшие глаза. – Вы можете подождать его в своем салоне.

– Тогда я просто воспользуюсь туалетом, – ответил Дронго, увидев, как из туалета выходит высокий мужчина, и ступил в кабину.

Стюардесса не успела его остановить, и эксперт закрыл за собой дверь. Через несколько секунд он открыл дверь. Стюардессы уже рядом не было. Дронго вышел из туалета, прошел в другой туалет, находившийся у другого борта, и увидел, как из салона выглядывает пожилая афроамериканка. Блеснули ее очки. Она искала его у правого борта, где он был минуту назад. Дронго усмехнулся. Теперь сомнений не было. Очень толково организованное наблюдение. Пара внимательных глаз двух людей, которые могут подстраховывать друг друга. Супружеская пара афроамериканцев, которая находится в салоне бизнес-класса и летит вместе с ним в Париж. Если выбирать наблюдателей, то эта семейная пара будет последними людьми, которых он может подозревать.

«Очень неплохо придумано», – подумал Дронго, возвращаясь на свое место. Когда самолет пошел на посадку, он еще раз обернулся, посмотрев туда, где находилась эта пара. Теперь он понял, почему его посадили у окна. На регистрационной стойке ничего не перепутали. Его место изначально было у окна, чтобы он не мог ни с кем общаться, кроме этого упитанного канадца, которого тоже, очевидно, подбирали с таким расчетом, чтобы Дронго не мог ни с кем говорить, кроме своего соседа. Подозревать канадца было глупо, он наверняка не мог быть наблюдателем, хотя и такой вариант не исключался. Место в салоне было выбрано заранее, понял Дронго, еще при покупке билета.

Самолет приземлился в аэропорту, пассажиры, дружно поднявшись, поспешили к выходу. На пограничном контроле Дронго предъявил свой паспорт, в котором проставили отметку, и пошел к выходу. Большого багажа у него не было, только небольшой чемодан, который разрешали брать с собой в салон. Он обернулся и усмехнулся. Как и следовало ожидать, у темнокожих афроамериканцев, которые были с ним в самолете, тоже не было никакого багажа. Оба шли к выходу с небольшими сумками.

Дронго прошел мимо таможенников, которым ему нечего было предъявлять, и вышел в аэропортовскую зону для прилета гостей. Несколько человек встречающих наблюдали за ним. Он посмотрел по сторонам, пока никого не видно. Возможно, что именно эти афроамериканцы и должны его

куда-то отвезти. Или здесь будет кто-то другой.

К нему шагнул невысокий мужчина лет сорока пяти с круглым лицом, носом пуговкой и веселыми, подвижными глазами.

– Здравствуйте, господин эксперт, – сказал он по-английски, – я Гюстав Лебопен. Рад приветствовать вас в Париже.

Он протянул свою небольшую ладошку. Пожал ее. Дронго возвышался над ним сантиметров на тридцать. Это было довольно смешное зрелище. Дронго еще раз обернулся. Темнокожая пара следила за ним, уже выйдя в зал прилета. Лебопен показал на выход.

– Я оставил свою машину там. Пройдемте, господин эксперт.

Дронго поискал глазами Кружкова, который должен был уже два с половиной часа назад прибыть в Париж. Но его нигде не было. Возможно, он не хотел, чтобы его преждевременно заметили. Дронго включил свой телефон и обнаружил сообщение, состоящее из одной цифры «7», что означало прибытие Кружкова в Париж. Вместе со своим встречающим они вышли из аэропорта, подошли к стоянке автомобилей. Это был синий седан «Пежо» четырехста шестой модели. Дронго закинул свой чемодан в багажник, и они уселись на переднем сиденье машины. Мсье Лебопен подвинул свое кресло близко к рулю, чтобы ему было удобно доставать до педалей автомобиля. И они, выехав со стоянки, направились в центр города.

Уже когда он сел в машину, пришло очередное сообщение. На этот раз там были две цифры, две четверки, что означало наблюдение Кружкова за их машиной. Очевидно, Леониду удалось найти подходящий автомобиль в аэропорту и теперь он незаметно следовал за ними по трассе.

– Вы раньше бывали в Париже? – спросил Лебопен.

– Да, много раз. Я очень люблю ваш город.

– Я его тоже люблю, – улыбнулся Лебопен, – я здесь родился сорок пять лет назад, как раз во время студенческих демонстраций в городе. Можете себе представить, что тогда настоящие уличные бои шли в Латинском квартале, рядом с которым жила моя семья?

– Были студенческие демонстрации и протесты, – кивнул Дронго, – я читал об этом. Мне тогда было тоже немного лет.

– В результате Шарль де Голль проиграл референдум и как гордый человек покинул свой пост, – вспомнил Лебопен, – говорили, что тогда именно студенты свалили несокрушимого идола Пятой республики. А мои родители были студентами. Мать до сих пор вспоминает это романтическое время. Она считает те годы самыми лучшими в своей жизни. Хотя я думаю, что это больше связано с моим рождением. Я был ее первенцем.

– Возможно, – улыбнулся Дронго, – у любой женщины главное событие в жизни – это рождение ее первенца, когда она становится матерью. Говорят, что потом бывает гораздо легче рожать и проще относиться к своим детям.

– Вы тоже первенец? – уточнил Лебопен взглянув на панель зеркала заднего обзора, где высвечивались цифры электронных часов.

– Да, – кивнул Дронго, – хотя моя мать не была такой молодой, как ваша. Она еще жива?

– В прекрасном здравии, – улыбнулся Лебопен, – хотя ей уже шестьдесят пять.

– Желаю ей долгого здоровья, – сказал эксперт.

– А ваша мать?

– К сожалению, нет. Я ведь немного старше вас. И, как я уже сказал, она рожала меня, когда ей было за тридцать. Она ушла в прошлом году.

– Соболезную.

– Принимаю соболезнования. Куда мы едем?

– В Париж, – улыбнулся Лебопен.

– Это я уже вижу по указателям. А более конкретный адрес нельзя узнать?

– Конечно, можно. Мы едем к Северному вокзалу.

– Понятно. Неужели вилла, о которой мне говорили, находится в десятом округе, где расположен Северный вокзал? Или в соседних восемнадцатом и девятнадцатом, тоже не самых лучших в городе?

Лебопен искоса взглянул на Дронго.

– Вы действительно неплохо знаете наш город, – сказал он с уважением, – но мы едем на вокзал, а не на виллу. Там возьмем билеты и отправимся на поезде туда, где нас ждут.

– С Северного вокзала? – задумался Дронго. – Тогда все понятно. И вы ничего не хотите мне рассказать о предстоящей работе?

– Простите, господин эксперт, но я ничего не знаю, – пожал плечами Лебопен, – моя задача была встретить вас в аэропорту и привести на вокзал. – Он еще раз незаметно посмотрел на часы.

– Мне сказали, что вы будете знать меня в лицо. Разве раньше мы с вами встречались?

– Нет. Но мне подробно вас описали. Вас сложно с кем-то перепутать, при вашем росте и широких плечах и такой запоминающейся внешности. Я вас сразу узнал.

Он нетерпеливо просигналил впереди идущей машине, которая задерживала их проезд.

– Мы куда-то торопимся? – спросил Дронго, заметив, как Лебопен прибавил скорость.

– Можем опоздать на поезд, – пояснил тот. – Эти пробки на трассе всегда так нервируют.

– Понятно. И давно вы знаете господина Зорина, который меня сюда отправил?

– Простите, я не могу отвечать на ваши вопросы. Моя задача – встретить вас.

– И вы даже не знаете, кто именно поручил вас меня встретить и к кому я должен поехать? – усмехнулся Дронго.

– Разумеется, знаю. Но не уполномочен вам это сообщать. Вы должны меня правильно понять.

– Стараюсь, – сказал эксперт.

Машина въехала в город и направилась к Северному вокзалу. Когда они подъехали к нему, Лебопен припарковал машину на стоянке и предложил гостю пройти вместе с ним. На вокзале они поспешили по лестнице наверх. Лебопен посмотрел на наручные часы. Было заметно, как он нервничает.

– Мы отправляемся в Великобританию? – удивился Дронго. – Оттуда проход на посадку в поезда «Евростара».

– Вы задаете слишком много вопросов, – не выдержал Лебопен, – мы действительно идем на посадку в «Евростар». Надеюсь, у вас есть действующая английская виза?

– Я уверен, что ваши люди прекрасно осведомлены о том, что она у меня есть, – сообщил Дронго.

– Тогда никаких проблем, – Лебопен протянул билет, – вот ваш билет на поезд. Можете проходить границу и идти на посадку.

– Вы не пойдете со мной?

– Нет. Я должен был вас проводить только до поезда, – пояснил Лебопен.

– Спасибо. Это было очень любезно с вашей стороны. С кем я должен контактировать в Лондоне? Или меня опять будут встречать?

– Можете сразу взять такси и поехать в отель «Дорчестер», который находится...

– Я знаю, – кивнул Дронго, – на Парк Лейн. Чудесный отель.

– Лондон вы знаете так же хорошо, как и Париж, – сказал Лебопен, не скрывая своего интереса.

– Думаю, что так же. Может, даже лучше.

– У вас хорошая память. В «Дорчестере» вам заказан номер. На ваше имя. Покажите свой паспорт и дайте карточку. Номер забронирован на эту карточку. Можете не волноваться, вам оплатят все ваши расходы.

– А я не волнуюсь. Я уже понял, что имею дело с обеспеченными господами.

Лебопен улыбнулся, протягивая на прощание руку. Дронго ответил на рукопожатие и направился к контролерам, проверявшим билеты. Затем прошел оба пограничных пункта, сначала европейский – для выхода из Шенгенской зоны, затем – для входа в Великобританию, заполнив таможенную декларацию на английском языке. До отправления поезда оставалось около двадцати минут, когда он послал сообщение Кружкову. Это была цифра «1», означавшая «Где ты?» Цифровые сообщения, которыми они обменивались с Вейдеманисом и Кружковым, были согласованы с ними еще много лет назад.

Объявили о посадке на поезд. Дронго посмотрел на телефон. Прошло уже несколько минут, но от Леонида Кружкова не было никаких сообщений. Это ему не понравилось. Он снова отправил сообщение, ожидая, когда ему ответят. И пошел на посадку в свой вагон. Его путешествие нравилось ему все меньше и меньше. Почему они сразу не сказали, что

нужно лететь в Англию? Для чего нужны такая невероятная секретность и все эти переезды? Хотя на поезде ехать ему нравилось гораздо больше, чем лететь на самолете.

Он уселся на свое место и оглядел вагон. Наверняка и здесь должен быть свой наблюдатель. Ведь и этот билет ему взяли заранее, и Лебопен торопился успеть, чтобы посадить его именно на этот рейс. В вагоне было слишком много людей. Он решил, что не стоит никого вычислять. Все равно здесь, как в самолете, невозможно выйти, когда поезд войдет в тоннель под Ла-Маншем. Он позвонил Вейдеманису.

– Эдгар, я волнуюсь за Леонида, – сказал Дронго. – Меня уже посадили на поезд, который идет в Лондон, и я отправил ему два сообщения. Но пока не получил ответа.

– От него были сообщения?

– Да. Он подтвердил, что прибыл в Париж. Потом подтвердил, что взял машину и следует за нами. Но после того как мы прибыли на вокзал, от него не было никаких сообщений. Мы можем войти в тоннель, и тогда связь прервется. Поэтому будет правильно, если ты ему сейчас перезвонишь. А потом сообщишь мне, что там произошло.

Оба понимали, что Дронго не должен звонить Кружкову, которого могли вычислить по этому звонку. Если неизвестная организация смогла узнать так много информации и организовать переезд в Великобританию, то она вполне могла подключиться к телефону Дронго и выйти на Кружкова через его номер. Вейдеманис это тоже сознавал. На такой слу-

чай у них были несколько номеров, с одного из которых он и должен был позвонить Кружкову. Взять под контроль все телефоны неизвестная организация бы не смогла, даже если это было всевидящее око Агентства национальной безопасности США, располагающего особыми возможностями своих спутников. Ведь Вейдеманис мог звонить с разных телефонов, представляющих разных операторов мобильной связи, и в этом случае поиск еще более усложнялся.

Поезд тронулся. Почти сразу появились приветливые проводницы, предлагавшие напитки и еду. Дронго услышал трель своего телефона и сразу ответил:

– Слушаю.

– Его телефон отключен, – сообщил неутешительную весть Эдгар, – я звонил трижды. Похоже, у нас большие проблемы. Надеюсь, что с ним ничего не случилось.

– Мне тоже хочется надеяться, – сказал Дронго. – Я думаю, будет правильно, если мы задействуем план «Б». Ты все понял?

Этот план означал резервный вариант, по которому в Лондон должен был прилететь сам Вейдеманис. И конечно, лететь он должен был не прямым рейсом, а выбрать любую компанию, чтобы добраться с пересадками. Например, прилететь на той же «Люфтганзе» во Франкфурт и оттуда отправиться в Лондон. Или, выбрав КЛМ, приземлиться в Амстердаме, откуда можно было прилететь в столицу Великобритании. В этом случае неизвестные друзья Михаила Алек-

сандровича Зорина могли контролировать всех пассажиров, прилетающих из Москвы в Лондон, но не смогли бы проверять всех авиапассажиров, летающих по Европе.

– Я все понял, – быстро произнес Вейдеманис, – я все сделаю.

Глава четвертая

Раньше поезда «Евростара» прибывали в южную часть Лондона, на вокзал Ватерлоо. Дронго помнил, как часто он курсировал между двумя столицами, предпочитая именно этот вид транспорта. Тогда поезда приходили на конечную станцию в английской столице, проходя буквально мимо домов, где была проложена железнодорожная колея. После того как построили еще один небольшой тоннель при подъезде к Лондону, выведя его к северо-востоку, время в пути сразу сократилось до двух часов, а поезда начали прибывать на станцию Кинг Кросс на севере города.

Когда поезд подходил к станции, Дронго еще раз набрал номер телефона Эдгара Вейдеманиса.

– Что-нибудь есть? – спросил он.

– Ничего, – мрачно ответил Эдгар, – похоже, что там произошли какие-то неприятности. У него всегда с собой есть запасная сим-карта, чтобы вставить в любой телефон и начать говорить. И вообще позвонить из Парижа можно из любой будки или купить за десять евро телефон и карточку, чтобы ими воспользоваться.

– Ты считаешь, что у него испортился телефон?

– Нет. Именно поэтому я так и волнуюсь, – пояснил Вейдеманис, – если будут какие-нибудь новости, я тебе сообщу.

– Договорились. – Дронго убрал телефон в карман.

Поезд пришел на станцию. Здесь уже не было пограничного контроля, так как всех пассажиров пропускали через него во Франции для удобства пассажиров. Дронго забрал свой чемодан и направился к выходу. У остановки такси была небольшая очередь. Он дождался своей машины, устроился в салоне и попросил отвезти его в «Дорчестер».

«Что случилось с Леней, – подумал Дронго, – неужели все настолько плохо, что он не может даже позвонить?»

В отеле ему сразу выдали ключи от номера, уже заказанного на его имя, и конверт. Получая ключи, Дронго решил уточнить:

– Когда был сделан заказ на мое имя в вашем отеле? Вы можете сказать точный день? Вчера или позавчера?

– Неделю назад, – посмотрел портье, – семь дней назад. У вас есть еще вопросы?

– Есть, – кивнул эксперт. – Кто именно заказал номер в отеле? Там есть имя?

– Конечно, – портье посмотрел и удивленно поднял брови, – это были вы. Заказ был сделан от вашего имени и на кредитную карточку, которую вы сейчас предъявили.

– Спасибо. – Разочарованный Дронго отошел от стойки портье. Получается, что кто-то, такой умный и предусмотрительный, еще за неделю до появления Зорина и разговора с ним заказал номер в таком дорогостоящем отеле. Чем больше Дронго узнавал подробностей о реальных заказчиках, тем более интересной становилась его возможная встреча с ни-

ми.

Раскрыв конверт, он обнаружил там небольшой мобильник с уже вставленной сим-картой. Убрав телефон в карман, Дронго забрал и конверт. И, покотив за собой чемоданчик, пошел в номер.

Распаковал вещи, отправился в ванную комнату принимать душ, когда зазвонил телефон. Тот самый, который был в конверте. Ругая себя за забывчивость – он обычно оставлял телефон рядом с собой, чтобы не вылезать из ванной, – Дронго выбежал из ванной комнаты и, не обращая внимания на струи воды, лившиеся с него и оставлявшие лужицы там, где он пробежал, поспешил к телефону.

– Я вас слушаю, – сказал он, заметив, что на дисплее не высветился номер звонившего.

– Добрый день, господин Дронго, – раздался громкий голос мужчины. «Слишком английский, – подумал Дронго. – Такой характерный аристократический английский, на каком говорят выпускники Итона или Кембриджа».

– Здравствуйте. С кем имею честь?

– Профессор Лоусон. Кевин Лоусон. Я преподаю в Итоне, – пояснил профессор, словно подслушав мысли гостя.

– Очень приятно, господин профессор. Спасибо за билеты и заказанный номер в этом отеле. Я что-то должен сделать?

– Нет, ничего. Отдыхайте. Ровно через час за вами заедет машина. Она будет ждать вас внизу.

– Хорошо. Спасибо. – Забрав телефон, он вернулся в ван-

ную. И увидел свой мобильный телефон, который он на автомате принес в ванную комнату, перед тем как начать мыться. Усмехнувшись, Дронго положил второй мобильник рядом с первым и снова полез под душ.

В течение этого часа он еще дважды звонил Вейдеманису, чтобы узнать новости о Кружке. Но его телефон молчал. Ровно через час Дронго ждал внизу, в холле, когда к зданию отеля подъехал серый БМВ седьмой модели. Из автомобиля вышел высокий седовласый мужчина, который приветливо кивнул эксперту. Они были почти одного роста. Незнакомец был гораздо старше Дронго. Он был в элегантных модных очках, твидовом пиджаке, светлых брюках, белой сорочке без галстука.

– Лоусон, – представился приехавший, – я рад приветствовать вас в Лондоне. Садитесь в машину, господин Дронго.

Вышедший из автомобиля водитель любезно открыл дверь. Вдвоем с Лоусоном они разместились на заднем сиденье. Водитель занял свое место, и машина тронулась.

– Вам уже сообщили, что мы рассчитываем на ваши знания и опыт, господин эксперт? – негромко сказал Лоусон.

– Мне рассказали какую-то забавную сказку о пропавших вещах на французской вилле, – пояснил Дронго. – Учтывая, что я уже в Великобритании и вряд ли вернусь сегодня во Францию, то я понимаю, что меня пригласили совсем по иному поводу, который я должен узнать именно сегодня.

– Возможно, – улыбнулся Лоусон, – но мы сейчас действительно точно не во Франции. Я могу задать вам один личный вопрос, который меня давно интересует?

– Связанный со мной?

– Да, именно с вами.

– Пожалуйста. Интересно, какие личные вопросы, связанные со мной, могут волновать профессора Итона? – не удержался от сарказма Дронго.

– Мне любопытно: почему вас так называют? Такой необычной кличкой. Можно было взять какое-нибудь символическое имя или другую кличку. А Дронго – это название птицы, насколько я знаю. И непонятно, почему вам нравится, когда вас так называют.

– Это произошло много лет назад, – пояснил эксперт, – тогда мне понравилась эта небольшая отважная птичка, которая смело защищала свое гнездо от хищников. И еще одна особенность – эта птичка умеет имитировать голоса других птиц, в том числе и хищных, таким необычным способом отпугивая незваных гостей от своего гнезда. И мне понравилось это слово. Ничего особенно загадочного в этом нет. Но я не думал, что оно станет таким популярным, простите за нескромность. И теперь слово Дронго станет синонимом сыщика, а не птицы. Хотя здесь тоже есть свои характерные особенности. Один из моих «заклятых друзей», очевидно недовольный моей персоной, написал, что Дронго как птица питается фекалиями. Возможно, он считал, что таким

образом сможет обидеть меня сильнее других. Но это было всего лишь забавно.

– Надеюсь, вас не обидел мой вопрос?

– Конечно, нет. Меня действительно называют именем этой птицы, и я уже давно привык к подобному обращению. Оно пристало ко мне намертво, и некоторые даже знают меня по этой кличке, забывая о моем настоящем имени. Иногда это бывает даже полезно, когда не знают твоего настоящего имени, а легенда про сыщика Дронго не имеет ко мне никакого отношения.

– Судя по той информации, которую я знаю, вы один из самых успешных и узнаваемых сыщиков в мире, – сказал Лусон. – На вашем счету столько раскрытых тяжких преступлений, запутанных интриг, разоблачений опасных маньяков! Один мой знакомый английский юрист сказал, что только за то, что вы нашли известного маньяка Ангела Боли, наводившего ужас на всю Европу, вас следовало бы причислить к категории выдающихся сыщиков двадцать первого века. Говорят, что вы сумели дважды найти в России еще более опасного маньяка, который занимал должность директора института архитектуры. Неужели это правда?

– К большому сожалению, да. Нам удалось его задержать, а он смог сбежать. Пришлось искать его во второй раз.

– И вы его снова нашли?

– Слишком поздно, – признался Дронго, – он уже успел к этому времени совершить очередное преступление.

– Значит, это правда, – удовлетворенно произнес Лоусон, – интересно разговаривать с человеком, о котором ходят подобные легенды.

– Они бывают не всегда точными и почти всегда преувеличенными, как и всякие легенды о живом человеке, – недовольно сказал Дронго. – А вы не хотите ввести меня в курс дела, рассказав, зачем меня сюда пригласили и почему я оказался в Лондоне?

– Вам все расскажут, – улыбнулся Лоусон, – не торопитесь.

– Меня волнует судьба моего помощника, – признался Дронго, – который не отвечает уже несколько часов. И я почти убежден, что его молчание так или иначе связано с вашей законспирированной организацией.

Лоусон нахмурился.

– Какого помощника? – спросил он. – Вы нарушили наше условие и взяли с собой помощника?

– Я не мог этого сделать хотя бы потому, что мой билет принес господин Зорин, а других билетов на этот рейс в Париж не было и мой помощник не мог оказаться со мной в одном лайнере, – пояснил Дронго. – Чтобы не волновать вас и выполнить условия нашего негласного договора, я предложил своему помощнику самому прилететь в Париж, чтобы помочь мне в случае необходимости. И боюсь, что ваши люди, обнаружив его, приняли меры не самого адекватного характера, что исключает мое сотрудничество с вами в случае

его смерти.

– Это так принципиально? – сразу спросил Лоусон.

– Разумеется.

– А почему вы думаете, что именно мы виноваты в том, что ваш помощник молчит?

– Я не думаю, господин Лоусон. Я в этом уверен. Он встречал меня в аэропорту, хотя и не подходил ко мне близко и мы с ним не разговаривали по телефону. Затем он сопровождал нас до Северного вокзала Парижа, где неожиданно замолчал и исчез. Согласитесь, что у меня есть все основания подозревать именно вашу организацию в причастности к его исчезновению. Надеюсь, что не к устранению. Если его устранили, то вы можете предложить водителю повернуть обратно. Я не стану с вами работать ни при каких условиях. Даже если счет на моей кредитной карточке вырастет еще на один ноль.

– Вы сами виноваты, – убежденно произнес Лоусон, – вас предупреждали о недопустимости подобных действий.

– Каких именно? Я ничего не нарушил. Мой помощник не полетел со мной в Париж, как не прилетел туда и мой напарник Эдгар Вейдеманис. У меня в столице Франции масса знакомых, и кто-то из них мог меня встречать, на случай если ваш представитель не успеет меня встретить. Или вообще не узнает. Мой помощник не подходил ко мне, не разговаривал со мною, не пытался вступить в контакт. А потом приехал на вокзал, только для того, чтобы убедиться в моей

безопасности. И неожиданно он пропадает. Согласитесь, что это не лучший способ начать сотрудничество.

Лоусон молчал. Он словно размышлял.

– Вы можете позвонить и проверить, где именно он находится, – предложил Дронго, – или, пока еще не поздно, повернуть обратно.

– Поздно, – сказал Лоусон, – мы уже едем.

– Надеюсь, «поздно» только в смысле дороги, а не возможного несчастья, которое с ним произошло?

– Этого я не могу вам сказать, – честно признался Лоусон. – Когда мы будем на месте, я постараюсь навести справки и выяснить, кому нужен был ваш помощник.

– Звонить отсюда невозможно?

– Безусловно. Никто не станет разговаривать со мной по телефону на столь щекотливую тему. Вы должны нас понимать.

– А вы должны понимать мое беспокойство за человека, с которым я работаю много лет. Хочу еще раз вас предупредить, что в случае смерти моего помощника любое наше сотрудничество будет исключено. Раз и навсегда. И я даже готов вернуть вам потраченные на билеты деньги. И самому оплатить свое проживание в «Дорчестере».

– Сильный ход, – задумчиво произнес Лоусон, – обещаю вам, что постараюсь все узнать. Мы скоро приедем. А вы пообещайте никому не рассказывать о своем помощнике, «случайно» оказавшемся в Париже. Договорились?

– У вас будет один час, – предупредил Дронго, – один час, пока я буду молчать. Если вы не сможете его найти, то ровно через час после начала наших переговоров я откажусь от всякого сотрудничества с вами.

– Не торопитесь, – неодобрительно сказал Лоусон, – возможно, это будет самое известное расследование в вашей жизни. И самое прибыльное. А вы так стремительно разрушаете наши отношения, которые еще даже не начались.

– Он не только мой помощник, – пояснил Дронго, – он был моим другом, как и Эдгар Вейдеманис, которому Зорин не разрешил со мной приехать.

– И тем не менее не торопитесь, – снова посоветовал Лоусон, – возможно, подобный шанс бывает один раз в жизни. И не у всех. А у одного человека из миллиона. Многие люди мечтали бы оказаться на вашем месте.

– Теперь вы говорите такими загадками, словно меня везут на знакомство с королевской семьей, – усмехнулся Дронго, продолжая внимательно наблюдать за выражением лица своего собеседника.

Тот криво улыбнулся, хотя рука непроизвольно дернулась.

– Почти, – сказал он, – там, куда мы едем, будут и особо уважаемые господа. Это я могу вам обещать. Они могут вас приятно удивить, если, конечно, захотят с вами общаться.

– Нам еще далеко ехать?

– Минут двадцать, – пояснил Лоусон. Несмотря на все

предостережения Дронго, он так и не достал из кармана телефон, чтобы узнать, что именно случилось с Кружковым. Отсюда можно было сделать три вывода. В первом случае – он заранее знал о происшедшем в Париже инциденте и, возможно, также был осведомлен о физическом устранении Кружкова в Париже, что было самой неприятной версией из всех существующих. Во втором случае он был слишком ничтожен по своему статусу и занимал в таинственной организации незначительную должность. И наконец, третий вариант, возможно, самый реальный. Лоусон слышал о Кружкове, но сейчас не имеет права доставать свой телефон и в присутствии гостя выяснять подробности, связанные с молчанием Леонида. Секретность, которая окружала эту организацию, была настолько серьезной, что даже под угрозами эксперта разорвать их отношения Лоусон не имел права устраивать разборки в присутствии гостя, не посвященного в их тайны.

Дронго взглянул на указатели.

– Куда мы направляемся? – спросил он. – Мы уже выехали из Лондона.

– Да, – согласился Лоусон, – мы едем в графство Сюррей. Там как раз находится вилла, о которой говорил вам господин Зорин.

– И с которой украли какие-то документы или вещи хозяйина? – Дронго был важен даже не сам ответ. Реакция собеседника, его поведение.

Но Лоусон промолчал. И это было хуже всего. Через двадцать минут они въехали в небольшой дачный поселок, окруженный высокими заборами и вековыми деревьями, некоторые из которых специально привозили сюда, чтобы посадить рядом с оградой, создавая не только живую изгородь на своей даче, но и места в тени, под которыми можно было ставить скамейки и отдыхать, наслаждаясь свежим ветром с востока или севера.

– Мы приехали, – сообщил водитель, останавливаясь перед большими воротами.

Очевидно, за ними следили камеры наружного наблюдения. Ворота медленно открылись, и они въехали на ухоженную дорожку. Поместье было большим, они проехали метров четыреста, прежде чем автомобиль замер на стоянке. Другие машины, а их было пять или шесть, находились рядом, накрытые брезентами, и отсюда невозможно было понять, какие это марки автомобилей и кому именно они могут принадлежать.

– Пойдемте в дом, – пригласил Лоусон, выходя первым из автомобиля.

Они вышли, огляделись вокруг. Перед ними был большой двухэтажный дом. Достаточно было одного взгляда, чтобы все понять. Буквально повсюду работали камеры, но никаких охранников или телохранителей видно не было. Маскировка исключительная. Из дома, шаркая ногами, вышла пожилая женщина. Ей было далеко за семьдесят, одета в тем-

ное платье, седые волосы красиво уложены.

– Господин Дронго! – Она не спрашивала, она обращалась.

– К вашим услугам, – сказал эксперт.

– Идите в дом, там вас уже ждут, – любезно предложила пожилая хозяйка. Или она не хозяйка, а наемный работник. Это невозможно было понять. Дронго обернулся к Лоусону.

– Идите, – махнул тот, – мне туда нельзя. За это время я постараюсь выяснить, куда исчез ваш помощник.

– Прошло уже почти полчаса, – напомнил Дронго, – у вас осталось совсем немного времени.

– Идите и не беспокойтесь, – сказал Лоусон, – я все сделаю.

– Спасибо. – Эксперт направился к дому.

Глава пятая

Серое двухэтажное здание безо всяких изысков. Кладка старая, судя по всему, вилле не меньше ста лет. Возможно, даже больше. Дронго с трудом открыл старые двери. И сразу услышал чей-то строгий голос:

– Остановитесь. Извините, но дальше нельзя.

Дронго остановился и с изумлением посмотрел на говорившего. Два человека внимательно смотрели на него. Оба были примерно одного с ним роста. Один, чуть ниже, характерно наклонял голову, как делают профессиональные боксеры в ожидании удара, готовые прикрыться. При этом нос у него был явно сломан. Второй, очевидно, был бывшим десантником или спецназовцем, так как стоял в позиции, широко расставив ноги. И именно он обратился к Дронго с требованием остановиться. Оба охранника, очевидно, были профессионалами. Они стояли по сторонам таким образом, что если бы вошедший попытался напасть на одного из них, то второй сразу бы атаковал его со спины. Дронго взглянул на кулаки первого и понял, что тот бывший профессиональный боксер. Среди всех видов спорта, которые существовали в мире, самый сильный удар был у профессиональных боксеров, с которыми никто не мог выстоять даже одного раунда. В свое время, много лет назад, великий боксер Мухаммед Али принял вызов японского спортсмена – выдающегося ма-

стера карате. Между ними должен был состояться поединок. Но как только раздался удар гонга, японец лег на пол, рассчитывая, что боксер наклонится к нему и не сможет нанести свой знаменитый удар. А сам боксер, в свою очередь, ждал, когда каратист поднимется, чтобы нанести именно этот удар. Так пятнадцать раундов они и провели в похожих стойках. Каратист лежал на полу, вращая ногами. Боксер стоял над ним.

– Что вам угодно? – спросил Дронго.

– Дальше нельзя, – пояснил второй, – мы должны завязать вам глаза и надеть наручники. Такой порядок.

– Меня уже арестовали? – пошутил эксперт.

– Иначе вы не пройдете, – сказал охранник. – Для этой процедуры нет исключений.

– Надевайте ваши наручники, – согласился Дронго, протягивая руки. Ему уже самому стало интересно увидеть, куда его приведут. Ему надели наручники, завязали глаза и повели куда-то в сторону. Затем они вошли в кабину лифта. Он понял это, когда она пошла куда-то вниз.

«В двухэтажном доме лифт, который идет вниз», – подумал Дронго. Оба охранника были рядом. Он слышал их дыхание. Затем они вы-шли втроем и долго шли по коридорам. Дважды открывались двери. Наконец его развернули и попросили стоять именно так.

– Снимите повязку, – услышал Дронго чей-то голос.

Повязку сняли. Яркий свет ударил в глаза. Он невольно их

закрыл, поморщился, поднял руки, закрываясь от света. И только потом сообразил, что свет не такой сильный. Просто после темной повязки он оказался неожиданно ярким.

– Вы можете идти, – сказал тот же голос, обращаясь к телохранителям.

– Дайте ему стул, пусть сядет, – предложил другой голос, кажется принадлежавший женщине, которая привыкла отдавать распоряжения. В ее голосе была сила, какая обычно бывает у людей, много лет возглавляющих крупные организации, или политиков федерального уровня, привыкших говорить безапелляционно. – И снимите наручники, – добавила она.

За спиной поставили стул, и Дронго уселся на него. Руки наконец освободили, он потер запястья и услышал, как быстро уходят охранники. Он не стал оборачиваться. Было ясно, что подобная обстановка с ярким светом в лицо и наличием голосов за этим светом была продумана в мелочах.

– Добрый вечер, господин эксперт, – начал беседу первый голос, – или вы предпочитаете, чтобы мы называли вас Дронго?

– Как вам угодно, – разрешил он, – это не столь принципиально.

– Хорошо. Спасибо. Вы догадываетесь, куда вас привезли?

– Я видел табличку с указанием графства. Конкретного места я не знаю, но полагаю, что при желании можно вычис-

лить, кто и зачем меня пригласил. И какую организацию вы представляете.

Очевидно, он сумел заинтересовать сидевших перед ним людей, если наступило секундное замешательство, и затем тот же голос произнес:

– Вы можете рассказать о своих предположениях?

– Пока не могу, – ответил Дронго, – я уже говорил господину Лоусону, который привез меня сюда, о моей проблеме. Самой важной проблемой, из-за которой мы не сможем продолжать наш разговор.

Наступило молчание. Эксперт понял, что они отключают звук, когда хотят переговорить между собой. И понял, что они за стеклом. Возможно, за пуленепробиваемым, и именно поэтому они разрешили снять с него наручники. Когда Дронго немного привыкнет к этому свету, станет видно большое зеркало, перед которым он сидит. Говорившие его видят, а он не может никого увидеть, даже если свет не будет бить в глаза. Обычная техника для допроса свидетелей, когда сам следователь хочет остаться неузнанным.

Ненужная и абсурдная секретность, разозлился Дронго, они считают, что могут спрятаться за зеркалом и привести сюда человека, завязав ему глаза, чтобы он ничего не понял и ни о чем не догадался. Они должны были понимать, что с экспертом такого уровня подобные трюки не проходят. Интересно, чем они сейчас занимаются? Возможно, звонят Лоусону, чтобы кое-что выяснить. Или решили позвонить в Па-

риж. В любом случае нужно подождать.

Он заерзал на месте. Ожидание затягивалось. Наконец через четыре минуты раздался тот же голос. В нем звучали нотки удовлетворения:

– Мы проверили, что именно случилось с вашим помощником. Вопреки нашей рекомендации, вы решили взять его с собой. Он прилетел в Париж на семинар другой компанией и ждал вас в аэропорту. Неужели вы считали, что, обращаясь к вам, мы не узнали фамилии всех людей, которые на вас работают? Он был под нашим контролем с момента вылета из Москвы. В Париже он взял машину в бюро проката прямо в аэропорту и ждал, когда вы приземлитесь. А потом следовал на этом автомобиле за вами до самого вокзала. Там его остановили наши люди и предложили проехать с ними. Можете не волноваться. Он жив и здоров. Завтра его посадят на самолет, отправляющийся в Москву.

– Спасибо, – сказал Дронго, – вы меня успокоили.

– Теперь мы можем продолжать нашу беседу? – спросил незнакомец.

– Я готов вас выслушать.

– Сначала вы поделитесь с нами вашей гипотезой о том, куда вы попали и кого мы представляем. В конце концов, будет даже интересно, если вы сумели нас вычислить настолько быстро.

– Это так принципиально? – спросил эксперт.

– Да. По вашему ответу мы сможем понять, насколько вам

можно доверять такое важное дело.

– Хорошо, – согласился Дронго, – может, это действительно к лучшему и вы решите, что меня напрасно сюда привезли, используя столько ненужных уловок. – Он усмехнулся и начал рассказывать: – Уже по звонкам, которые ко мне поступали от Зорина, я понимал, что имею дело с влиятельной и очень осведомленной организацией, возможно спецслужбой, которой удалось найти не только мой мобильный телефон, зарегистрированный в Италии, но и телефоны моих друзей. Подобных организаций в мире не так много.

– Продолжайте, – предложил все тот же голос.

– Дальше – больше. Господин Зорин, который появился у меня, имеет обширный круг знакомств и даже преподает в двух лучших вузах Москвы, готовящих элиту государства: юристов и дипломатов. Как адвокат, господин Зорин не так известен, так как никто не может вспомнить, какие дела он вел. Но все знают, что он влиятельный и богатый человек. Затем непонятное условие не брать с собой напарника или помощника. Ведь если вы действительно заинтересованы в моем успешном расследовании, то должны разрешить мне создать для себя наиболее благоприятные условия проведения расследования, а не ограничивать меня подобными рамками. Это тоже был более чем странный момент. Затем билеты, которые были выкуплены по номеру моего паспорта. Оставим в стороне секрет о том, как именно вы смогли узнать номер моего паспорта. Но его можно было удалить

из билета, в котором важен только электронный номер. Однако его оставили намеренно, чтобы я понял, с какой могущественной и влиятельной организацией мне придется работать. Я понял и оценил.

– Продолжайте, – снова услышал Дронго, когда сделал паузу.

– Билет был куплен на сегодняшнее число. И в самолете я обнаружил наблюдателей, которые внимательно за мной следили. Отдаю должное проницательности и таланту ваших сотрудников, которые планировали мой приезд. Темнокожая пара пожилых людей была вне всяких подозрений для любого человека. Если бы я не проверил и не убедился в том, что эти двое за мной следят, то никогда бы и сам не поверил в такое плотное наблюдение. В аэропорту меня уже ждал мсье Лебопен, который отвез меня на вокзал, где опять был куплен билет в вагон первого класса на «Евростар». Устав играть с вами в кошки-мышки, я не стал вычислять, кто именно за мной следит, хотя понимаю, что и в этом случае были свои наблюдатели. А мой помощник в это время замолчал. О чем я и рассказал господину Лоусону. Должен сказать, что ваша осведомленность и плотный контроль, коему вы меня подвергли на всем пути следования от Москвы до Лондона, позволяет сделать вывод о том, что ваши возможности практически неограниченны. И вы, разумеется, не спецслужба, которой нужен иностранный эксперт, так как ни одна спецслужба в мире не станет доверять свои секреты иностранным

экспертам. Тогда появляется резонный вопрос: кто вы такие и каким образом вам удается пользоваться столь широкими возможностями?

– И вы нашли ответ? – спросил тот же голос.

– Судя по той секретности, которая окружает нашу встречу и даже нашу беседу, судя по тому, как вы старательно скрываете от меня даже ваши лица, – я понимаю, что речь идет об очень закрытой и могущественной организации, которой я понадобился в силу каких-то еще не понятных мне причин. При этом вы убеждены, что я не захочу или не смогу разглашать вашу тайну. Отсюда – вывод: либо вы уверены, что я замолчу навсегда после этого расследования, либо вы настолько могущественны, что можете блокировать любую информацию и не боитесь даже доверять подобные секреты мне. Вы наверняка все просчитали и понимаете, что я не тот человек, который будет выдавать ваши тайны. Но на всякий случай вы решили держать меня на некотором расстоянии, не позволяя даже увидеть ваших лиц.

– Вы не ответили на вопрос, – напомнил говоривший, – вы можете сказать, какая организация вас пригласила сюда или с представителями какой организации вы сейчас беседуете?

– Да, – ответил Дронго, – звонки Зорина начались ровно тогда, когда под Лондоном, в отеле «Гроув», находящемся в тридцати минутах езды от аэропорта Хитроу, в местечке Хертфордшир, состоялось очередное заседание известного в мире Бильдербергского клуба. По разным сведениям, просо-

чившимся в газеты, на этой закрытой встрече присутствовало большое количество очень влиятельных лиц. Сразу после этой встречи начались звонки Зорина. Совпадение более чем очевидное. О вашем клубе ходит масса легенд. Одни считают вас главными масонами в мире, другие полагают, что вы и есть главное всемирное правительство, третьи говорят о вас как о финансовом центре мировой экономики, который принимает все ответственные решения.

– А как считаете вы?

– Бильдербергский клуб – объединение прежде всего политическое. Ибо слишком много коронованных особ, руководителей крупных государств и самых известных компаний входят в руководство вашей организации. О некоторых мы знаем, о некоторых догадываемся. Но в любом случае вы закрытая и очень влиятельная организация.

Снова наступило молчание. Дронго терпеливо ждал. Он понимал, что за стеклом разговаривают люди, которые решают судьбу не только Леонида Кружкова, но и его собственную. Если они сочтут, что он догадлив, прозорлив и может быть опасен, ему уже не вернуться в «Дорчестер». Однако в подобных случаях Дронго справедливо считал, что интеллект – настолько редкий и нужный дар, что умные люди должны извлекать пользу от общения с подобными экспертами. И поэтому он не стал скрывать своих выводов. Это был тот редкий случай, когда можно было говорить почти искренне.

– Почти все правильно, – раздался мужской голос, принадлежавший другому человеку, очевидно, более молодому, – только одна ошибка. В самолете было не двое, а трое наблюдателей. Интересно, что вы не заметили третьего...

«Канадец? – вспомнил Дронго своего соседа, не отвечая на слова говорившего. – Нет. Он на самом деле почти все время спал». Салон был большой, он обратил внимание на всех сидящих в бизнес-классе. И никто за ним не пошел, когда он попытался пройти в другой салон. Никто, кроме... Стоп...

– Там была еще стюардесса, которая тоже следила за мной, – спокойно сказал Дронго, – просто я не счел нужным упоминать и ее.

– Очень неплохо, господин эксперт. – Вы смогли так быстро и точно вычислить наших людей в самолете, – почти сразу с явным одобрением произнес этот голос, принадлежавший более молодому мужчине, – похоже, что вы тот самый человек, который нам нужен.

– Вы сказали все, что хотели? – спросил первый говоривший.

– Почти все. Вы спросили меня про вашу организацию, и я рассказал, каким образом мне удалось вас вычислить.

– Вы продемонстрировали нам удивительную прозорливость, господин эксперт, – сказал первый говоривший, – такой интересный иллюзион. Вы действительно смогли сами все вычислить или у вас были какие-то подсказки?

– Откуда? Ведь Зорин пришел ко мне вчера вечером, а уже сегодня утром я летел к вам. Кто успел бы мне подсказывать в самолете, который был переполнен пассажирами? Или вы полагаете, что вычислить возможного наблюдателя проще простого?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.